

ДЕТСТВО, ВЗРОСЛОСТЬ И ИГРА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ПОЛИВАНОВА Катерина Николаевна,
**МОДЕРАТОР СЕКЦИИ «Философия детской игровой культуры и
социально-культурные контексты»**
доктор психологических наук, профессор,
руководитель Центра исследований
современного детства Института образования НИУ ВШЭ

Еще два-три десятилетия назад науки о детстве казались запovedником понятных, ясных и прозрачных обобщений и рекомендаций для практики. Ребенок представлялся будущим взрослым, взрослый (родитель) – проводником ребенка в будущее. Но начиная с 50-х годов прошлого века ситуация начала меняться, а в 70-е уже громко заявили о себе новые тренды. Первым, но очень заметным «звонком» стали студенческие волнения 1968 г. в Европе, в которых отчетливо звучал мотив отрицания мира «родителей». Молодежь провозглашала отказ от ценностей старших – благополучного буржуазного идеала семьи и карьеры. Дети отказывались стать взрослыми по образцу родителей.

В 90-е годы начали проявляться и набирать силу процессы глобализации, и стало ясно, что модель детства, лежавшая за теориями периодизации, базировалась на еврохристианских представлениях о детстве. Глобализация изменила традиционные национальные практики, в том числе практики воспитания и обучения. Так, миграция привела к лингвистическому и культурному разнообразию. Если несколько десятилетий назад детство, как правило, протекало в монокультурной среде, то сегодня разнообразие встречает ребенка буквально сразу после рождения. В частности, с этой мультикультурностью связано явление так называемой мозаичной или гибридной идентичности.

Конечно, наиболее непосредственно затрагивающими детство являются тренды, связанные с семьей. В XX в. самой распространенной моделью семьи была нуклеарная (ядерная, состоящая из двух разнополюх биологических родителей и детей), с четким гендерным распределением ролей: отец,

обеспечивающий доход, и мать, заботящаяся о детях. К началу XXI в. ситуация существенно поменялась: отодвинулся возраст первого рождения, число детей в семье уменьшилось, увеличилось число повторно брачных семей и семей с одним родителем. Изменилось не только фактическое состояние семьи, но и представление о семье. И. С. Кон называл это явление «возрастным символизмом культуры», а Д. Элкиндр говорил о «метафорах детства», характерных для данного общества, данной эпохи. И это, возможно, даже важнее фактических сдвигов: вне зависимости от реальных наблюдаемых моделей семьи, принимаемые, допустимые желательные формы семейных организаций существенно расширяются. А ведь именно нуклеарная семья эпохи модерна задавала конструктор детства, как он рассматривался, в частности, психологией развития.

В конце 80-х был запущен масштабный полидисциплинарный международный проект «Детство как социальный феномен» Европейского центра социальной политики под руководством датского социолога Енса Квортрупа. В рамках этого проекта были описаны разные модели детства в разных странах и в разных культурах. Фокусом исследования были формы жизни детей, а сквозной линией – темы бедности и нарушения прав ребенка. Дети рассматривались как особая социально-демографическая группа, занимающая особое место в социальной структуре общества, разное в разных странах. Изучались межпоколенные связи, положение детей в семье, формы деятельности детей – их трудовая занятость, школьные занятия, досуг как «запланированная спонтанность» и т.д. Проект поставил неоднозначные вопросы, например, отношения между государством, родителями и детьми, диалектика защиты детей и автономии детства. Несмотря на некоторую политизированность исследовательских задач, результаты проекта впечатляют вследствие масштабной демонстрации разнородности детства.

Сегодня можно утверждать, что культура, социальные реалии задают и «конструируют» образ детства через самые различные каналы и средства. Государство, например, документально закрепляет возраст совершеннолетия, т.е. возраст, с которого наступает полная ответственность взрослого человека. В культуре, в быту создаются «места», где ребенок «уместен» (буквально: где ему место), определяются границы допустимого в отношении детей и для детей. Этот образ закрепляется в культурных продуктах – книгах, фильмах, СМИ.

Изменение представлений о детстве, о котором мы упомянули выше, ярко демонстрирует себя в исследовании социального-культурного образа ребенка в отечественном кино. На материале анализа советских и российских кинофильмов 40-х – 2000-х гг. было обнаружено постепенное изменение образа ребенка в отношении к образу взрослого. Если в 40–50-е ребенок предстает незрелым, «недо-взрослым», взрослый – воплощением идеальной формы,

а основная коллизия – проявлением детской незрелости, непосредственности, импульсивности, то постепенно от десятилетия к десятилетию все больше основные герои – ребенок и взрослый – предстают как разные индивидуальности; а ребенок (подросток) подчас приобретает явные негативные черты. Сама дихотомия ребенок – взрослый теряет свое значение.

Исследования детства в мире все более преодолевают дисциплинарные границы, возвращаясь фактически к новой педологии, но если эта наука прошлого века имела в качестве образа-образца благополучного европейского ребенка (и взрослого), то современные подходы полагают и пытаются исследовать детство относительно бесконечного многообразия культурных, социальных, экономических и даже политических контекстов.

В западной науке сегодня принято различать *child as becoming* и *child as being*, т.е. полагание ребенка как становящегося и описание и оценка его развития относительно перспективы будущей взрослости и ребенка как такового «здесь и сейчас». Это фактический отказ от понимания детства лишь как потенциала для будущей жизни, как периода «подготовки». Детство хотя это и период в жизни, но период столь же значимый, как и любой другой. Отсюда возникает где-то более осторожная, а где-то и жесткая критика подходов психологии развития. Эта наука, по мысли авторов, задала норму развития ребенка, лишив тем самым иные модели детства статуса нормальных. Особенно ярко этот подход демонстрирует себя при обсуждении конструкта «взрослость».

Здесь необходимо сделать два замечания, которые делают вопрос о фигуре взрослого, о взрослости как таковой или об идеальной форме особенно значимым. Во-первых, это уже широко известные работы Дж. Арнетта, который ввел в научный обиход понятие *Emerging adulthood* (возникающая взрослость). Сейчас это понятие имеет обширную библиографию. В первой публикации Арнетт спорил с тем, что период от 20 до 30 лет можно относить к стабильному периоду «ранней взрослости» (*Young adulthood*), а предлагал рассматривать этот период как переходный. Он основывал свои аргументы, в частности, на том, что молодежь продолжает искать свою идентичность, затрудняясь ответить на вопрос, относят ли они себя к взрослым или нет. Но сегодня стало ясно, что далеко не все молодые люди, даже перейдя рубеж тридцатилетия, становятся взрослыми. То есть можно ли говорить об этом периоде как о переходном или переходность становится признаком стабильности – пока этот вопрос остается без ответа.

Обсуждая эти тенденции «невзрослости», обычно обращают внимание на экономический рост и появление свободного времени и финансовых возможностей для такой молодости. Добавим, что и идею обучения на протяжении жизни (*life-long education*) также следует отнести к факторам

появления этого дрящегося состояния невзрослости. Граница между «взрослыми» и «невзрослыми», таким образом, локализуется не на шкале возраста, а на шкале социально-экономических и образовательных возможностей индивида. То есть в различных странах и в различных социально-экономических контекстах сама взрослость предстает по-разному.

Другой значимый аспект проблематики взрослости представлен в работе Н. Постмана. В ней сам конструкт «взрослость» ставится под сомнение. Появившаяся более 30 лет назад эта работа до сих пор остается и спорной, и широко обсуждаемой. Книга носила эпатазирующее название «Исчезновение детства». Автор утверждал, что конструкт «детство» зиждется на противопоставлении детей и взрослых. То есть говорить о детстве можно лишь тогда, когда появляется различие между юными и более старшими членами социума. Это различие воспроизводится и удерживается культурными средствами, в том числе и средствами символизации (ребенок выглядит иначе, чем взрослый). Если исчезает различие между детьми и взрослыми, то исчезает и сам конструкт «детство».

Все сказанное выше приводит к выводу о распаде, эрозии ранее единого образа детства. Ребенка изучали в разных науках, лидирующей была конечно же психология развития, появившаяся в Европе и имевшая в качестве образа ребенка-европейца. Сегодняшний мир уже не оставляет возможности оставаться в рамках описания европейского детства. Понятно, что в этом рассуждении мы подходим к границам культурного релятивизма: считаем ли мы европейскую модель взросления «лучшей» или одной из многих. Отдавая дань толерантности, следует ответить, что никакого «лучше – хуже» быть не может. Но тогда как быть с явно отличающимися данными по нормативам развития детям из неевропейских культур, из сельских отдаленных районов развивающихся бедных стран.

Эти рассуждения подводят нас к вопросам, которые уже трудно назвать строго научными. Это вопросы о перспективе взросления и о его моделях или траекториях. Перспективы всегда, и особенно в отечественной психологии, задавались образом взрослого. Каков он сегодня?

Детство, как и взросление, представляется сегодня полем возможностей, ландшафтом потенциальных изменений, а никак не траекторией движения с ясной перспективой. И эта культурная и научная ситуация совершенно меняет место и роль наук о детстве в системе знания и, главное, в системе методологии наук.

И наконец, несколько слов об игре и игровой культуре. Игра сегодня явно взрывает рамки, которые отводила ей психология развития, рассматривая как пространство развития дошкольника, как его ведущую деятельность.

Игровая культура представлена сегодня бесконечно разнообразно. Игра стала пространством досуга, вне зависимости от возраста играющих. Игра стала пространством взаимодействия и коммуникации, их средством. Нельзя не вспомнить об игре, когда речь идет о современном массовом кино и других развлекательных жанрах. Игра вернула себе исходный статус формы символизации, как ее рассматривали, например, Г. Бейтсон или Й. Хейзинга.

Это список современных ипостасей игры можно продолжать очень долго. С тех пор как, по крайней мере, в развитых странах жизнь позволяет человеку «искать себя» практически бесконечно, с тех пор как досуг и удовлетворение потребности в нем стали одними из сильнейших факторов экономики, именно игра как пространство возможностей и проба себя выходят на первый план.